

Чан Сяоцю весь просиял от этой фразы про "неплох". Он крепко прижимал меч к груди, словно хотел переворачивать эти слова в голове снова и снова. Все обиды от мачехи, пытавшейся его убить, и гнетущая боль от травмы ноги — всё это будто волшебным образом сгладилось одним этим предложением. Горячий поток волнения хлынул в его сердце, затем поднялся к глазницам, и он действительно заплакал.

После того, как Чан Сяохань поблагодарил, он отвёз кресло прочь. Лю Сяньань тоже развернулся и пошёл обратно к Лян Шу, который ждал его под большим деревом, увешанным красными лентами.

— Зачем ты солгал?

— Это нельзя назвать ложью.

Лю Сяньань перешагнул через шуршащие осенние листья:

— Чан Сяоцю в последнее время подавлен из-за семейных неурядиц. В его сердце князь — несгибаемый герой, и одно доброе слово может значить больше, чем десяток целебных отваров.

Из тех, кто осмеливался использовать имя Его Высочества Сяо Вана в личных целях, кроме женщин на границе, пугавших им своих крикливых детей по ночам, Второй молодой господин Лю был единственным, кто делал это в таком ключе. В конце концов, даже Гао Линю приходилось заранее спрашивать разрешения, когда он хотел припугнуть врагов именем командующего. Но Лю Сяньань не считал, что совершил что-то дерзкое — ему казалось вполне разумным относиться к Его Высочеству Сяо Вану как к лекарству под рукой, доставая его по мере необходимости.

Лян Шу не стал делать из этого проблему, хотя на самом деле он редко хвалил кого-либо, тем более такого избалованного молодого господина, как Чан Сяоцю.

Он не сказал бы "неплох" даже человеку, способному ровно стоять в строю. По армейским меркам тот всё ещё отставал на тысячу ли.

Они быстро дошли до южной части города.

Южный район был куда менее оживлённым, чем восточный. Огни здесь были редкими, и выделялся лишь старинный колодец. Но Лян Шу пришёл сюда не просто полюбоваться видами. Простая прогулка помогала расслабить его напряжённые нервы. Лю Сяньань ступил на открытую площадку и сказал:

— Я всегда думал, что здесь должна стоять девятирусная белая пагода.

— Чтобы быть ближе к другому миру?

— Нет, чтобы видеть цветочные поля в далёких горах.

Что касается другого мира, то после более чем десяти дней принудительного заточения он превратился из бурлящего моря в спокойную гладь воды. Но Лю Сяньань не решался погружаться в него слишком глубоко, боясь снова разбудить бурю, которая взбудоражит его разум.

— Тебе стоит чаще оставаться в этом мире, — сказал Лян Шу. — Учись у других, общайся с друзьями. Если хочешь увидеть цветочные поля — отправляйся в дальние горы сам. Не стоит вечно смотреть на них издали с высоты.

— Но у меня нет друзей.

Если бы эти слова произнёс кто-то другой, разве можно было бы сдержать слёзы от такой печали? Но Лю Сяньань не считал себя несчастным — он просто констатировал факт. Лян Шу тоже не видел в этом трагедии, но Лю Сяньань поспешил добавить:

— Жаль, что хотя князь и здесь, цветы уже увяли.

Уголки губ Лян Шу дрогнули:

— Я — друг?

Лю Сяньань без тени вины подтвердил: "Угу". Хотя он никогда раньше не заводил друзей, раз уж они могли вместе пить вино и гулять по городу, их нельзя было назвать чужими. Значит, между ними должны были быть дружеские отношения. А если есть дружеские отношения — разве это не друзья?

Лян Шу протянул руку и ущипнул его за загривок:

— Этот господин, кажется, не согласен.

Лю Сяньань дёрнулся и увернулся:

— Тогда князь может продолжать не соглашаться. В любом случае, я уже согласился за себя.

Возможно, это была ещё одна уникальная способность Второго молодого господина Лю. В конце концов, в Трёх Тысячах Путей он всегда взаимодействовал с людьми подобным образом — расселяя их так, как ему вздумается, не спрашивая мнения древних мудрецов по

отдельности.

Поэтому он действовал с твёрдой уверенностью.

Лян Шу усмехнулся и покачал головой, думая, что Лю Сяньань весьма забавен. В нём смешалось столько качеств, и он разительно отличался от бесчисленных других людей в Даяне. Один он был отрешённым, глуповатым, наивным и мудрым одновременно, а его внешность не имела равных в этом мире. Даже когда он лениво присаживался под потрёпанным красным фонарём, как призрак, его глаза сияли так ярко, словно он был небожителем, спустившимся с небес.

Было действительно жаль, что цветочные поля в дальних горах исчезли. Ведь такой красоте подобало стоять среди цветущих садов.

В этом отношении Его Высочество Сяо Ван проявлял редкую для аристократа утончённость и осознание прекрасного.

Хотя в южной части города не было достопримечательностей, Лян Шу терпеливо слушал Лю Сяньаня, долго рассказывающего о девятирусной белой пагоде из его снов, и они вернулись назад лишь тогда, когда весь город погрузился в сон. Гостевая комната в павильоне у воды была очень маленькой, а кровать — неширокой, но мягкой и удобной. В воздухе витал лёгкий аромат благовоний. За окном осенний ветер шелестел бамбуковой рощей, словно нежная колыбельная, успокаивая напряжённые нервы генерала, искупанного в тысячах сражений.

Кровавый туман, вздымавшийся в его снах, рассеялся в чистый снег. Лёд внезапно растаял с приходом весны, и Лян Шу шёл в одиночестве по острову, полному цветов, вниз по тропинке через густой лес. Внезапно он услышал журчание циня, подобное бегущему ручью. Последовав за звуком, он увидел юношу в белом, сидящего у ручья с босыми ногами, погружёнными в воду, и простым цинем на коленях.

***

Лян Шу проснулся с пересохшим ртом. Он уставился на резные узоры на изголовье кровати, сердце его бешено колотилось, и потребовалось немало времени, чтобы вернуться в реальный мир. Хотя лицо человека из сна он уже забыл, он отчётливо помнил родинку размером с кунжутное зернышко на выступе его гортани, которая подрагивала в такт прерывистому дыханию. Очаровательно-соблазнительная краснота делала его кожу всё более похожей на снег. Он также помнил те руки, беззастенчиво зажатые в его ладонях — хрупкие, как стекло, и почти не излучающие тепла. Когда он наклонился, те губы задрожали, он ощутил легкое прикосновение словно к ледяной глади.

Нелепость этого эротического сна можно было сравнить разве что с предводителем клана пустынных волков, танцующим перед боевым строем в женском платье. Лян Шу использовал эту ужасающую, лишённую эстетики метафору, чтобы насильно прервать двусмысленные и чарующие грёзы между пологам кровати. Он поднялся, умылся холодной водой, открыл дверь

и вышел из гостевой комнаты.

В этот ранний час, , поднялись лишь старые слуги и ученики, у которых были утренние занятия. В павильоне у воды не было отдельной кухни, а временных новых слуг накануне уже разогнали охранники, поэтому было очень тихо. По странному совпадению, на низком столике в бамбуковой роще действительно стоял цинь. Лян Шу почувствовал, как глаза его горят, и хотел было выйти прогуляться, как дверь позади него со скрипом открылась.

— Ваше Высочество.

Лян Шу замер и обернулся.

Лю Сяньань вскочил второпях, на нём всё ещё была ночная одежда, лишь накинутая поверх тонкая верхняя куртка. Его чёрные волосы небрежно стянуты сзади лентой, а в уголках глаз ещё оставалась краснота от недавнего зевка:

— Я услышал шум снаружи.

Лян Шу отвел взгляд от его белоснежной одежды:

— Не мог уснуть, пошёл прогуляться.

— Подождите минутку, Ваше Высочество, — сказал Лю Сяньань, — я переоденусь.

Произнося это, он был настолько сонным, что даже не мог как следует раскрыть глаза. Вернувшись в комнату, он от слабости в коленях чуть не стукнулся головой. Он открыл гардероб, нашёл одежду и уже собирался надеть её, как кто-то схватил его за запястье.

— Ещё рано, поспи ещё немного, — сказал Лян Шу. — Я просто посижу во дворе.

Лю Сяньань вернулся в постель. Он действительно не проснулся как следует и не знал, какой именно бог помог ему только что, но услышав лёгкий звук открывающейся двери, он в сомнамбулическом состоянии поспешил наружу.

Лян Шу не ушёл сразу, а огляделся. Это жилище было таким же простым и скромным, как и его хозяин — старые шкафы, старые столы и стулья. Кровать выглядела древней, но покрывала на полу были новыми, мягкими и толстыми, каждый дюйм их стоил немалых денег — другого выхода не было, ведь Второй молодой господин Лю то и дело засыпал на месте.

Угол полога колыхнулся от ветра, и Лян Шу поднял глаза. Спящий Бессмертный во сне выглядел совсем не как небожитель. Но это было сделано нарочно — в детстве, читая книги, он заметил, что большинство мудрецов изображались беззаботными и раскрепощёнными.

Поэтому маленький господин Лю намеренно спал вразвалку, позволяя себе свободно блуждать. И до сих пор ни разу не укрывался одеялом полностью.

Так было и сейчас. Ноги, которые в сновидении были погружены в воду, выглядели ещё более белыми и нежными, чем в реальности, а вокруг лодыжки обвивалась красная верёвочка с золотой пряжкой. Госпожа Лю, беспокоясь, что её сын несёт слишком много чепухи и однажды действительно сойдёт с ума, специально ходила в храм просить "верёвку для души". Господин Лю поначалу лишь насмеялся над этим, но в итоге получил укоры и тычки пальцем в нос: "Тебе можно отнимать людей у царя преисподней, а мне нельзя вырвать душу у мелких духов?"

Поэтому он продолжал носить её, даже повзрослев. Трудно сказать, была ли связана его душа, но, возможно, Его Высочество Сяо Ван оказался опутан.

Он развернулся и покинул спальню, действительно не понимая, откуда взялись эти любовные чувства и желание. Это было совершенно необъяснимо. Почему стоило ему переночевать в павильоне у воды всего одну ночь, как они нахлынули бурным потоком, расплёскиваясь во все стороны? Может, это было у него в крови, и болезнь в костях была той же, что и у его второй сестры, которая взрывалась на месте при виде красавицы?

Причина, по которой во дворце у него не было симптомов, вероятно, заключалась в том, что красавицы были недостаточно красивы.

Его Высочество Сяо Ван так и стоял во дворе, самостоятельно диагностируя этот трудноизлечимый недуг.

Небо светлело.

А-Нин велел слугам вынести стол во двор и хлопотал над подачей завтрака, когда Лю Сяньань потянулся и снова проснулся. Он не знал, что бродил по чужим снам в неопишуемых позах, поэтому был совершенно спокоен. Умывшись, он сел рядом с Лян Шу и с энтузиазмом принялся рассказывать своему единственному другу об особенных утренних закусках.

Лян Шу не слушал и половины. Несколько дней назад он сам заставлял собеседника говорить до хрипоты, и теперь тот мягкий местный акцент ещё теснее переплетался с абсурдным приключением из сна. Какой ещё "небесный дао" — это была справедливая расплата. Лян Шу почувствовал, как у него мурашки по коже, и подтолкнул к собеседнику пиалу с вонтонами:

— Ешь уже.

Лю Сяньань покорно крикнул и медленно поводил ложкой. С детства он не умел есть быстро. После того, как несколько раз пересчитал все зёрнышки риса на столе и получил по очереди нагоняй от отца и старшего брата, он просто начал прятаться в павильоне у воды для каждой трапезы. Сегодня утром он не был голоден, поэтому жевал ещё медленнее. Три укуса вонтонов в форме бутончиков цветов сделали его губы ещё более алыми.

Лян Шу отвел взгляд, стараясь не думать об этом. Нахмурившись, он сказал:

— Кажется, снаружи очень шумно.

— Угу, сегодня пятый день Нового года по лунному календарю, привезли новую партию лекарственных трав, — объяснил Лю Сяньань. — Будет суматоха целый день. Раньше, если отец вспоминал обо мне, то приходил и гнал помогать.

Но в этот раз, раз уж здесь Его Высочество Сяо Ван, этого, скорее всего, не случится, и он сможет делать что захочет.

Поэтому он от всей души улыбнулся ему, исполненный радости.

Лян Шу со стуком отложил палочки:

— Пойдём посмотрим.

Лю Сяньань опешил:

— А?

Лян Шу поднялся и покинул павильон у воды.

Лю Сяньань успел откусить лишь пару кусочков, поэтому А-Нин схватил две паровые булочки и поспешил за ним.

И господин, и слуга были в недоумении. Что можно увидеть при разгрузке лекарственных трав? Но гость был полон энергии и шёл не оглядываясь.

— Молодой господин, может, стоит объяснить Его Высочеству, что это не какие-то редкие или ценные материалы, а просто обычные колокольчики и жимолость? — прошептал А-Нин.

— Даже если бы они были драгоценными лекарственными травами, разве князя это заинтересовало бы? — неуверенно ответил Лю Сяньань.

Этого не может быть... но он что, убегает????

<http://bllate.org/book/14628/1297874>